

Наконец, в гнездах корней со значением 'вертеть' можно найти дериваты с подобной семантикой: *сковоры́жка* 'тонкий засохший древесный ствол' (< **vor-*), *сверчо́к* 'маленький стог сена' (< **vьrk-*), *вёртины* 'морщины' (< **vьrp-*), *варза́ть*, *вороко́сить* 'делать что-либо плохо' (< **vьrz-*, **vor-*), *варза́*, *вороко́са* 'беспорядок, безобразия' [КСГРС] и др.

М. Э. Рут

Лексика говоров Свердловской области в контексте уральской лексикографии¹

В 2004 г. кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького начата работа по определению массива лексики русских говоров Свердловской области. Материалом служит картотека уже изданного «Словаря русских говоров Среднего Урала».

Таким образом, главная задача, стоящая перед лексикографами, заключается не в описании нового материала, а в перекомпоновке и переосмыслении уже обработанных лексикографических данных². Подобный опыт в отечественной лексикографии не нов – стоит лишь упомянуть, например, плодотворную работу томских лексикографов, создавших на основе одной лексической региональной картотеки целую «обойму» словарей, различных по задачам и приемам отбора материала³.

Можно говорить о том, что современные русские лексикографы подходят к новому этапу своей деятельности: переключаются с первичного описания материала на его более глубинное осмысление в лексикографическом аспекте.

Начавшаяся работа по составлению словаря говоров Свердловской области делает естественным вопрос о сопоставлении словарного состава сверд-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 04-04-83406 а/У.

² Некоторое количество собственно нового материала все же появится в словаре благодаря введению в него полевых данных последних лет.

³ Ср.: *Блинова О. И., Мартынова С. Э., Юрина Е. А.* Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 2001; Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 2003; *Блинова О. И.* Словарь антонимов сибирского говора. Томск, 2003; и др.

ловских говоров с лексикой говоров других уральских территорий, прежде всего Пермской области, где широко развернута многоплановая лексикографическая работа: еще в 1973 г. вышел полный и детально разработанный «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (сост. О. П. Беляева); опубликован двухтомный «Словарь пермских говоров» (под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой, Пермь, 2000–2002); динамично ведется работа над уникальным «Акчимским словарем» – полным словарем говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (гл. ред. Ф. Л. Скитова, т. 1, Пермь, 1984; т. 2, Пермь, 1990; т. 3, Пермь, 1995; т. 4, Пермь, 1999; т. 5, Пермь, 2003). Предпосылки для продуктивного сопоставления создают и материалы «Словаря русских говоров Среднего Урала», в который вошли данные говоров Александровского, Кишертского, Лысьвенского, Суксунского и Чусовского районов Пермской области.

Первичные исследования показали, что, вопреки ожиданиям, процент совпадений очень невелик. Так, в «Словаре русских говоров Среднего Урала», если исключить слова широкого распространения (типа *азям*, *армяк* и т. п.), они связаны обычно лишь с зоной непосредственного контакта (в частности, данные Шалинского района Свердловской области перекликаются с данными Суксунского района Пермской области, поскольку речь идет о бассейне одной реки – Чусовой), но и здесь в подавляющем большинстве случаев лексика каждого из контактных районов на границе областей сохраняет свою специфику.

Статистические подсчеты по первым пяти буквам словаря (начало текста взято для удобства сопоставления с уже издающимися, но не завершенными источниками) показали, что факты совпадения лексем говоров Свердловской области с данными «Словаря пермских говоров» составили 12 %, с данными «Словаря Соликамского района Пермской области» – 8 %, с данными «Акчимского словаря» – 4 %. Эти факты говорят о высоком коэффициенте специфики свердловской диалектной лексики по сравнению с пермской.

Процент совпадения с западно-сибирской лексикой не может быть прослежен с такой точностью, потому что сколько-нибудь подробного словаря русских говоров Тюменской области до сих пор нет, однако внутренние ресурсы «Словаря русских говоров Среднего Урала», в который вошла лексика говоров Велижанского, Исетского, Нижнетавдинского и Тюменского районов Тюменской области, демонстрируют гораздо больший (до 30) процент совпадения лексем. Кроме того, полевые материалы топонимической экспедиции Уральского университета, работавшей на территории Тобольского, Уватского районов Тюменской области и Ханты-Мансийского округа,

подтверждают наличие значительного пласта общих свердловских и западно-сибирских лексем.

Указанная разграниченность свердловской и пермской лексики в противовес схождениям свердловских и западно-сибирских лексем объясняется особенностями истории заселения Урала и Западной Сибири русскими. В частности, большое число свердловско-западносибирских совпадений – это северно-русские лексемы материнских говоров, в том числе и лексика, заимствованная из финно-угорских языков.

Сопоставление данных «Словаря русских говоров Свердловской области» с другими словарями позволяет совершенствовать методику лексикографической обработки конкретного диалектного материала и выявлять лакуны в сборе лексики. Так, в «Словаре русских говоров Среднего Урала» зафиксирована лексема *абыз* в значении: «Бран. Лентяй; негодяй. Н-Уф. *Вон окаянной абыз идет*». Географическая помета свидетельствует о том, что слово фиксируется лишь в Нижнеуфалейском районе Челябинской области и, следовательно, не может рассматриваться как свердловское. В то же время лексема находит отражение в «Словаре пермских говоров»: «Абыз. – Как абыз. О невежливом, непочтительном человеке. *Он, зная-то, всегда как абыз ходит, никогда с человеком не поздороватся, ниче*. В. Мошево Сол[икамский район]». Близость значений слова (экспрессивы часто разнообразно характеризуют человека на основе общенегативной оценки), отсутствие зоны непосредственного контакта между районами фиксации, с одной стороны, и тот факт, что промежуточную зону занимает именно территория Свердловской области, с другой, дает основания для прогнозирования обнаружения этой лексемы с подобным значением и на территории Свердловской области. Тот факт, что перед нами слово-экспрессив, вполне объясняет возможность его «пропуска» при сборе – экспрессивы плохо поддаются выявлению при опросе и их обнаружение возможно только при возникновении ситуации, провоцирующей употребление экспрессива (ср. «Вон абыз идет...»; «Он... всегда, как абыз, ходит»). Составление списка подобных прогнозируемых для Свердловской области лексем с последующей проверкой его при полевых сборах представляется весьма продуктивным.

Сопоставление лексикографических материалов способствует прояснению трудных для дефинирования ситуаций. Это касается прежде всего определений названий растений, народных игр, некоторых приспособлений, устройств и т. п. Например, в «Словаре русских говоров Среднего Урала» зафиксированы названия *адамова голова* «лечебное растение (черный осот?)» и *адамов корень* «лечебное растение». В «Словаре говоров Соликамского района Пермской области» *адамова голова* фиксируется в значе-

нии «растение семейства орхидных, с продолговатыми складчатыми листьями и оригинальными желтыми цветками, напоминающими туфлю; венерин башмачок. Толст. *Адамова голова растет в Жуланове, она длинная, цветки желтенькие; идет, у кого голова болит. Тюльк.*». Как явствует из приведенных словарных материалов, дефиниция «Словаря русских говоров Среднего Урала» дефектна с точки зрения привязки к конкретному растению, в то время как в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области» дается подробное описание реалии, приводится широко распространенное народное название растения (венерин башмачок). Конечно, это не дает полного основания отождествлять значения свердловского и пермского слов, однако наличие общей семы – лечебное растение (ср. дефиницию в «Словаре русских говоров Среднего Урала») и иллюстративный контекст «Идет, у кого голова болит» в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области») заставляет задуматься о возможности тождества и вооружает материалом для более подробного опроса.

Выявление специфической и общей лексики для Свердловской области и смежных территорий позволит уточнить и системные отношения как внутри «свердловского» лексикона, так и в лексике уральских говоров в целом. Ср., например: *барануха* ‘овца’ в «Словаре говоров Среднего Урала» и *баранёнок* ‘ягненок’ в «Словаре пермских говоров», которые в совокупности обнаруживают новую систему именования самца, самки и детеныша домашнего животного в противовес архаичному *баран – овца – ягненок*. Подобные отношения при полевых сборах выявляются с трудом, по воле случая, а обращение к совокупному лексикографическому опыту поможет выработать актуальное именно для уральских говоров содержание вопросника.

Подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем плодотворность сочетания работ по выявлению специфики «свердловской» лексики с фронтальным учетом состава уральского лексикона: широкий взгляд на уральскую лексику позволяет и усовершенствовать лексикографическое оформление материала, и увидеть лакуны, оставшиеся в ходе полевого сбора диалектной лексики, и задать новые направления в схеме традиционного опроса информантов. Кроме того, сопоставление словарных материалов станет залогом достоверности выводов об общеуральском и узкорегionalных лексических фондах, об источниках их формирования.

Наличие значительного корпуса уральских словарей дает основание поставить вопрос и о создании таких словарей как уральский обратный (основа его уже существует на базе «Словаря русских говоров Среднего Урала») или словообразовательный.